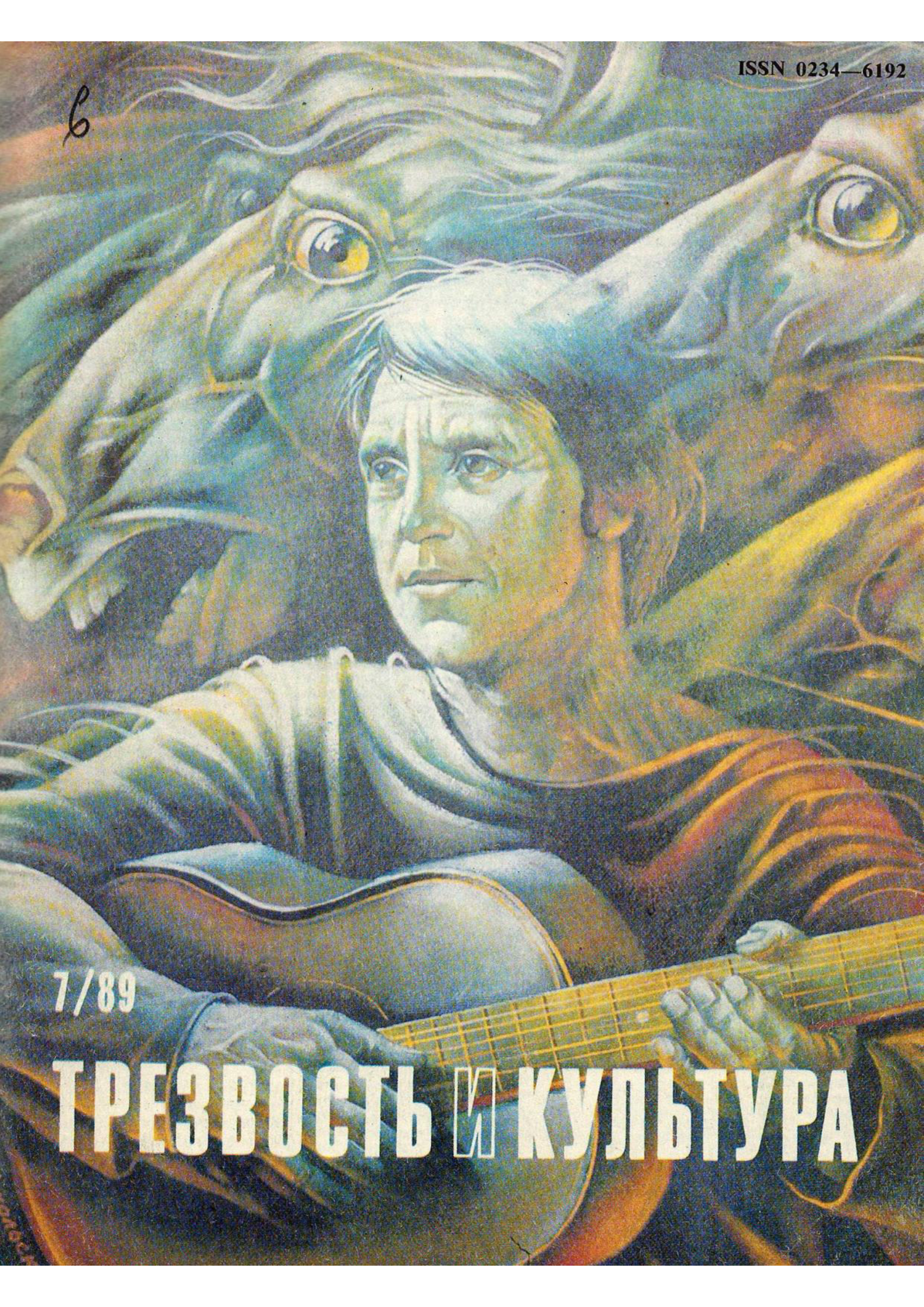

6

7/89

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

Владимир ВЫСОЦКИЙ

**СМЕРТЬ
ЛЕГАЛИЗОВАЛА
ЕГО. СМЕРТЬ
И НОВЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
НАШЕЙ ЖИЗНИ.**

Булат Окуджава

• • •

Я все вопросы освещу сполна,
Дам любопытству удовлетворенье.
Да! У меня французенка жена,
Но русского она происхожденья.
Нет! У меня сейчас любовниц нет.
А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запью ли вновь? Не знаю, не уверен.

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы всё вокруг да около!
Да спрашивайте напрямик!

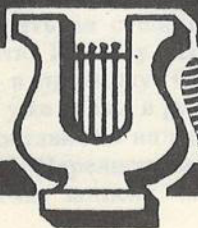
Я все вопросы освещу сполна,
Как на духу — попу в исповедальне.
В блокноты ваши капает слюна —
Вопросы будут, видимо, о спальне?
Да, так и есть! Вот густо покраснел
Интервьюер: «Вы изменяли жёнам?» —
Как будто за портьеру подсмотрел
Иль под кровать залёг с магнитофоном.

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы всё вокруг да около!
Да спрашивайте напрямик!

Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголочке,
Спросил:— А что имели вы в виду
В такой-то песне и такой-то строчке? —
Ответ: — Во мне Эзоп не воскресал.
В кармане фиги нет, не суетитесь!
А что имел в виду, то написал.
Вот, вывернул карманы — убедитесь!

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
В Париж пока что не проник...
Да что вы всё вокруг да около!
Да спрашивайте напрямик!

[1971]

● ● ●
Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать.
Но лишь одно наверняка я знаю —
Мне будет не хотеться умирать!

Посажен на литую цепь почёта,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!

Ответа нет. Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы,—
И вот над изгородью замечаю
Знакомый серп отточенной косы.

... Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!

[1973]

● ● ●
Как во городе во главном,
Как известно — златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Выразители эпохи
Лицедеев-скоморохи,—
У кого дела неплохи,—
Собирались на банкет.

Для веселья есть причина:
Ну, во-первых,— дармовщина,
Во-вторых,— любой мужчина
Может даму пригласить
И, потискав даму эту,
По паркету весть к буфету
И без денег, по билету,
Накормить и напоить.

И стоят в дверном проёме
На великом том приёме
На дежурстве, как на стрёме,
Тридцать три богатыря.
Им потеха — где шумиха,
Там ребята эти лихо
Крутят рученьки, но — тихо,
Ничего не говоря.

Но ханыга, прощельяга,
Забулдыга и сквалыга
От монгольского от ига
К нам в наследство перешли,

И они входящим — в спину,
Хором, враз: — Даёшь Мазину!
Дармовую лососину!
И Мишеля Пиколи!

... В кабаке старинном «Каме»
Парень кушал с мужиками.
Все ворочали мозгами —
Кто хорош, а кто и плох.
А когда кабак закрыли,
Все решили: недопили,
И — кого-то снарядили,
Чтоб чего-то приволок.

Парень этот для начала
Чуть пошастал у вокзала,—
Там милиция терзала
Сердобольных шоферов.
Он рванул тогда накатом
К белокаменным палатам
Прямо в лапы к тем ребятам —
По мосту, что через ров.

Под дверьми всё непролазней
(Как у Лобного на казни,
Но толпа побезобразней —
Вся колышется, гудёт...),
Не прорвёшься, хоть ты тресни!
Но узнал один ровесник:
— Это тот, который песни...
Пропустите, пусть идёт!

— Не толкайте — не подвинусь! —
Думал он,— а вдруг навывнос
Не дадут? Вот будет минус...
Ах — красotka на пути! —
Но парнишке не до крали,—
Лишь бы только торговали,
Лишь бы дали, лишь бы дали!
Время — два без десяти.

У буфета всё нехитро:
— Пять «четвёрок», два пол-литра!
Эй, мамаша, что сердита?
Сдачи можешь не давать!.. —
Повернулся — а среди зала
Краля эта танцевала!
Вся блистала, вся сияла,
Как звезда — ни дать ни взять!

И — упали из подмышек
Две больших и пять малышек
(Жалко, жалко ребяташек —
Тех, что бросил он в беде),
И осколки, как из улья,
Разлетелись — и под стулья.
... А пред ним мелькала тулья
Золотая на звезде.

Он за воздухом к балконам —
Поздно! Вырвались со звоном
И из сердца по салонам
Покатились клапана...
И, назло другим принцессам,
Та — взглянула с интересом,
Хоть она, писала пресса,
Хороша, но холодна.

Одуревшие от рвения,
Рвались к месту преступленья
Люди плотного сложенья,
Засучивши рукава.
Но — не сделалось скандала.
Всё вокруг затанцевало,—
Знать, скандала не желала
Предрассветная Москва.

И заморские ехидны
Говорили: — Ах, как стыдно!
Это просто несолидно,
Глупо так себя держать!.. —
Только негр на эту новость
Укусил себя за ноготь,—
В Конго принято, должно быть,
Так восторги выражать.

Оказал ему услугу
И оркестр с перепугу,
И толкнуло их друг к другу —
Говорят, что сквозняком.
И ушли они, не тронув
Любопытных микрофонов,
Так как не было талонов
Вспрыснуть встречу коньяком.

Говорят, живут же люди
В этом самом Голливуде!
И в Париже!.. — Но — не будем,
Пусть болтают куркули!
Кстати, те, с кем был я в «Каме»,
Оказались мужиками —
Не махали кулаками,
Улыбнулись и ушли.

И пошли летать в столице
Нежилые небылицы:
Молодицы — не девицы —
Словно деньгами сорят.
В подворотнях, где потише,
И в мансардах, возле крыши,
И в местах ещё повыше
Разговоры говорят.

[1974]

Когда я об стену разбил лицо и члены
И всё, что только было можно, произнёс,
Вдруг сзади тихое шептанье раздалось:
— Я умоляю вас, пока не трожьте вены.
При ваших нервах и при вашей худобе
Не лучше ль чай испить иль огненный напиток,
Чем учинять членовредительство себе —
Оставьте что-нибудь нетронутым для пыток.

Он сказал мне: — Приляг,
Успокойся, не плачь.—

Он сказал: — Я не враг,
Я — твой верный палач.

Уже не за полночь — за три,
Давай отдохнём.

Нам ведь всё-таки завтра
Работать вдвоём.

Раз дело приняло приятный оборот —
Чем чёрт не шутит — может, правда, выпить чаю?
— Но только, знаете, весь ваш палачий род
Я, как вы можете представить, презираю.

Он попросил: — Не трожьте грязное бельё.

Я сам к палачеству пристрастия не питаю.

Но вы войдите в положение моё —

Я здесь на службе состою, я здесь пытаю.

И не людям, прости,—

Счёт веду головам.

Ваш удел — не ахти,

Но завидую вам.

Право, я не шучу,

Я смотрю делово —

Говори что хочу,

Обзывай хоть кого.

Он был обсыпан белой перхотью, как содой,

Он говорил, сморкаясь в старое пальто:

— Приговорённый обладает, как никто,

Свободой слова, то есть подлинной свободой.

И я избавился от острой неприязни

И посочувствовал дурной его судьбе.

— Как жизнь? — спросил меня палач.— Да так себе... —

Спросил бы лучше он: как смерть — за час до казни?..

— Ах! Прощенья прошу,—

Важно знать палачу,

Что, когда я вишу,

Я ногами сучу.

Да у плахи сперва

Хорошо б подмели,

Чтоб моя голова

Не валялась в пыли.

Чай закипел, положен сахар по две ложки.

— Спасибо! — Что вы! — Не извольте возражать!

Вам скрутят ноги, чтоб сученья избежать,

А грязи нет,— у нас ковровые дорожки.

Ах, да неужто ли подобное возможно!

От умиленья я всплакнул и лёг ничком.

Он быстро шею мне потрогал осторожно

И одобрительно почмокал языком.

Он шепнул: — Ни гугу.

Здесь кругом стукачи.

Чем смогу — помогу,

Только ты не молчи.

Станут ноги пилить —

Можешь ересь болтать,

Чтобы казнь отдалить,

Буду дольше пытаться.

Не ночь пред казнию, а души отдохновенье.

А я уже дожждаться утра не могу.

Когда он станет жечь меня и гнуть в дугу,

Я крикну весело: — Остановись, мгновенье,—

Чтоб стоны с воплями остались на губах!

— Какую музыку,— спросил он,— дать при этом?

Я, признаюсь, питаю слабость к менуэтам,

Но есть в коллекции у них и Оффенбах.

Будет больно — поплачь,

Если невмоготу,—

Намекнул мне палач.

— Хорошо, я учту.

Подбодрил меня он,

Правда, сам загрустил —

Помнят тех, кто казнён,

А не тех, кто казнил.

Развлёк меня про гильотину анекдотом.

Назвав её лишь подражаньем топору,

Он посочувствовал французскому двору

И не казнённым, а убитым гугенотам.

Жалел о том, что кол в России упразднен,

Был оживлён и сыпал датами привычно.

Он знал доподлинно — кто, где и как казнён,

И горевал о тех, над кем работал лично.

— Раньше,— он говорил,—

Я дровишки рубил,

Я и стриг, я и брил,

И с ружьишком ходил.

Тратил пыл в пустоту

И губил свой талант,

А на этом посту

Повернулся на лад.

Некстати вспомнил дату смерти Пугачёва,

Рубил, должно быть для надёжности, рукой.

А в то же время знать не знал, кто он такой,—

Невелико образование палачёво.

Парок над чаем тонкой змейкой извивался,

Он дул на воду, грея руки об стекло.

Об инквизиции с почтеньем отзывался

И об опричниках — особенно тепло.

Мы гоняли чай,

Вдруг палач зарыдал —

Дескать, жертвы мои

Все идут на скандал.

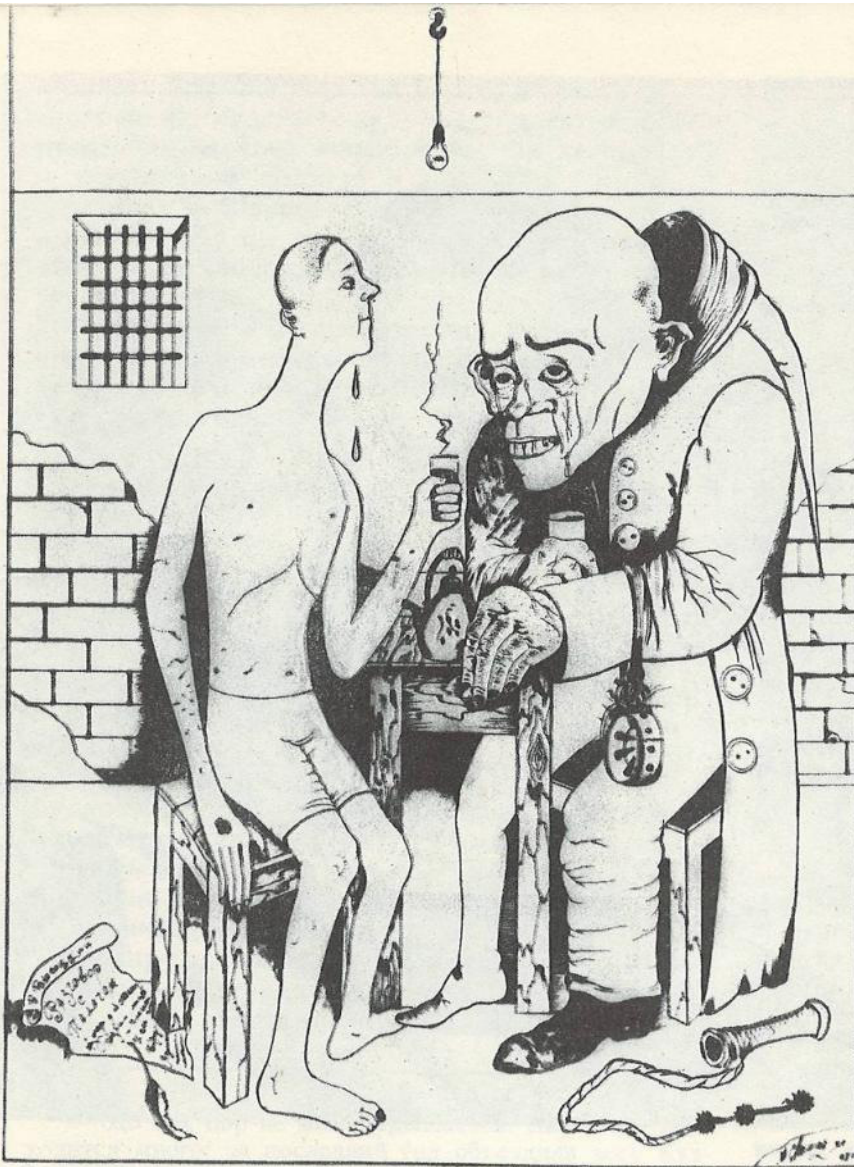
— Ах! Вы тяжкие дни,

Палачёва стерня.

Ну, зачем же они

Ненавидят меня?

Он мне поведал назначение инструментов.
 Всё так нестрашно — и палач как добрый врач.
 — Но на работе до поры всё это прячь,
 Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.

Бывает, только его в чувство приведёшь,
 Водой окатишь и поставишь Оффенбаха,
 А он примерится, когда ты подойдёшь,
 Возьмёт и плюнет. И испорчена рубаха.

Накричали речей
 Мы за клан палачей.
 Мы за всех палачей
 Пили чай, чай ничей.

Я совсем обалдел,
 Чуть не лопнул, крича.
 Я орал: — Кто посмел
 Обижать палача?!

Смежила веки мне предсмертная усталость.
 Уже светало, наше время истекло.
 Но мне хотя бы перед смертью повезло —
 Такую ночь провел, не каждому досталось.

Он пожелал мне доброй ночи на прощанье,
 Согнал назойливую муху мне с плеча.
 Как жаль, недолго мне хранить воспоминанье
 И образ доброго чудного палача.

[1978]

В оформлении использованы
 иллюстрации М. Шемякина
 к стихам В. Высоцкого

Про мангустов и змей

— Змеи, змеи кругом, будь им пусто! —
 Человек в иступленьи кричал.
 И позвал на подмогу мангуста,
 Чтобы, значит, мангуст выручал.

И мангусты взялись за работу,
 Не щадя ни себя, ни родных.
 Выходили они на охоту
 Без отгулов и без выходных.

И в пустынях, в степях и в пампасах
 Дали люди наказ патрулям —
 Игнорировать змей безопасных,
 Но сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь — сейчас будет грустно...
 Человек появился тайком
 И поставил силки на мангуста,
 Объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришёл, с ним — собака,
 И мангуста упрятал в мешок.
 А мангуст отбивался и плакал,
 И кричал: — Я полезный зверек!

Но зверьков в переломах и ранах
 Всё швыряли в мешок, как грибы,—
 Одуревших от боли в капканах,
 Ну, и от поворота судьбы.

И гадали они — в чем же дело,
 Почему их несут на убой?
 И сказал им мангуст престарелый
 С перебитой передней ногой:

— Козы в Бельгии съели капусту,
 Воробьи — рис в Китае с полей,
 А в Австралии злые мангусты
 Истребили полезнейших змей.

Это вовсе не дивное диво:
 Было плохо — позвали, но вдруг
 Оказалось, что слишком ретиво
 Истребляли мангусты гадюк.

Вот за это нам вышла награда
 От расчётливых, умных людей.
 Видно, люди не могут без яда,
 Ну, а значит — не могут без змей.

[1967—1968]

В. Высоцкий

Памяти В. Шукшина

Ещё — ни холодов, ни льдин.
Земля тепла. Красна калина.
А в землю лёг ещё один
На Новодевичьем мужчина.

«Должно быть, он примет не знал,—
Народец праздный суесловит,—
Смерть тех из нас всех прежде ловит,
Кто понарошку умирал».

Коль так, Макарыч,— не спеши,
Спусти колки, ослабь зажимы,
Пересними, перепиши,
Переиграй — останься живым!

Но, в слёзы мужиков вгоняя,
Он пулю в животе понёс,
Припал к земле, как верный пёс.
А рядом куст калины рос.
Калина — красная такая...

Смерть самых лучших намечает
И дергает по одному.
Такой наш брат ушёл во тьму!..
Не буйствует и не сучает.

А был бы «Разин» в этот год.
Натура где — Онега, Нарочь?
Всё печки-лавочки, Макарыч!
Такой твой парень не живёт.

Вот после временной заминки
Рок процедил через губу:
«Снять со скуластого табу
За то, что он видал в гробу
Все панихиды и поминки.

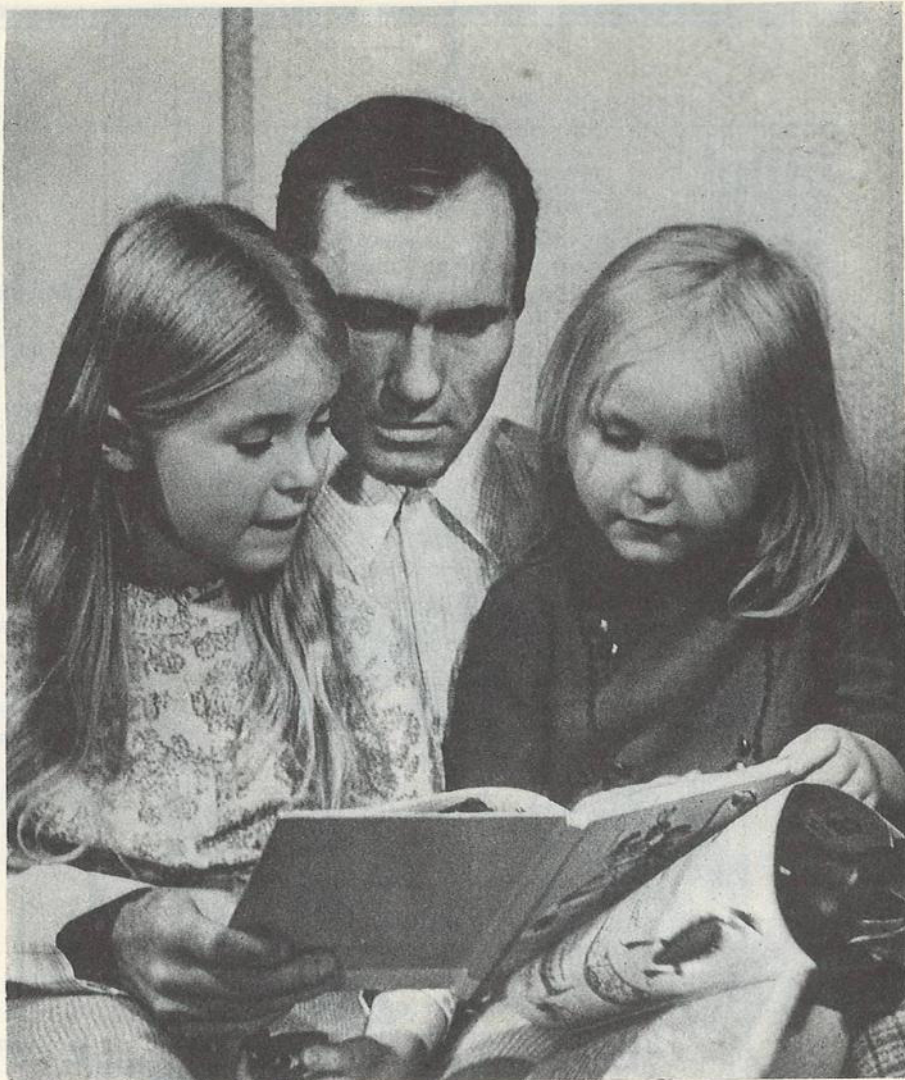
Того, с большой душою в теле
И с тяжким грузом на горбу,
Чтоб не испытывал судьбу,
Взять утром тёпленьким с постели!»

И после непрременной бани,
Чист перед Богом и тверёз,
Взял да и умер он всерьёз.
Решительней, чем на экране.

Гроб в грунт разрытый опуская
Средь новодевичьих берёз,
Мы выли, друга опуская
В загул без времени и края...

А рядом куст сирени рос.
Сирень осенняя. Нагая...

[1974]

«И СЕРДЦЕ ЕГО ПОСТОЯННО СЖИМАЛОСЬ ЖАЛОСТЬЮ...»

Для Василия Макаровича Шукшина, наверное, именно это было самым важным, самым главным — уметь жалеть несправедливо обиженного и сострадать слабому, ненавидеть подлость и злобу людскую. Так же, как любимый им Степан Разин, Шукшин «мучился и злился и везде хотел успеть заступиться». Не успел... Шукшин ушел из жизни в сорок пять лет — в пору расцвета, в тот момент, когда